МАЙ ДРАГ

ИСТОРИЯ ФРЕДЕРИКИ

ВАЛЕРИЯ СКРИПНИК

ГЛАВА 1
«УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО»

Фредерика плакала. Будто душу вынули и оставили на солнце греться в самую жару. Внутри поднималась волна, кучная, пенная, как пиво в опрокидке, но она ничего не хотела признавать. Упорная, с сильным и достойным сердечком, девушка прокручивала в голове последние события. Гиз приезжала и оставила после себя лишь опустошение, глубокую, даже бездонную, дыру величиной с кратер самого большого на свете, русского вулкана. Который спит, всегда спит. Но в сердцах брошенных девушек открываются и не такие полости и расстояния.

Фредерике было восемь лет, когда она впервые увидела Гиз. Карие глаза заметили странную девушку, ковыряющуюся в машине. Гиз было тогда десять лет. Карие глаза потонули в восхищении. Её белые волосы, томные пухлые губы. И голубые с оранжевыми

прожилками глаза. Фредерика подошла, ей впервые захотелось познакомиться с новым для себя человеком.

Жили они рядом, на Увеке, островке порока и вседозволенности. Когда Фредерика попросила Гиз назвать своё имя, та улыбнулась, а потом рассмеялась: «Какая-то пиздюшка пришла знакомиться». До костей с того момента пробирал Фредерику тот смех…

Гиз жила с матерью-наркоманкой в частном доме. Истру, мать Гиз, баловалась мужчинами и алкоголем, даже рожала она своего единственного ребёнка под чем-то белым и кристаллизованным. Мужчины по ней сходили с ума и были готовы на всё ради одного только её взгляда. Рождённый в ночь на первое января ребёнок унаследовал многое из списка качеств матери, но, самое главное, произошло нечто необычное.

Ребёнок родился доношенным, но в условиях природы и естественного отбора должен был тут же умереть… На месте гениталий не было ничего. Наверное, ребёнок плакал… Врач предложил папаше

отказаться от урода, за что получил (и, надеюсь, очень смачно) по морде, и заткнулся. Почему-то врачи решили, что сделать из нового члена общества девочку проще и менее энергозатратно.

Боль и страх уколов Гиз помнила всю жизнь. Операция за операцией, страх людей в белых халатах, отличие от большинства…

Любовью наш персонаж с непонятным полом начал интересоваться очень рано, секс заворожил его лет с пяти. Скомканные в порыве слиться люди, опрокидывающие вещи в комнате и валяющиеся на кровати – «девочке» было очень интересно, как это и что ты ощущаешь. Он спрашивал у сверстников, что такое секс, однажды даже получил взбучку от соседа, взрослого мужика, не понимающего, что детям секс интересен – и благодаря этому человеческая земля ещё движется.

И пошли чередой девушки, красивые и не очень, пьяные и до ужаса трезвые. А Фредерика наблюдала за жизнью «друга» со стороны, слышала чужие басни и

представляла на месте тех девушек себя. Да, родители девочки уехали в Саратов, и связь прервалась.

Так Фредерика спокойно жила до шестнадцати лет. В шестнадцать она сдала ЕГЭ и поступила в университет на филолога. Началась новая жизнь, но и в ней нашлось много плохого. Заходя в первый раз в класс, Фредерика увидела невысокую девушку с рыжими волосами за первой партой. Ксю была одета в готический костюм, на шее красовался чёрный чокер. Как потом выяснилось, у Ксю уже были отношения с девушкой и секс (прости господи!) с помощью свечки. Но как Фредерика ни подбивала клинья, а Ксю держала её во френдзоне. На то чтоб забыть этого человека полностью, ушло добрых четыре года.

Ксю и Фредди стояли у здания университета и рассматривали… воробьёв. Сокурсница прошла мимо и очень странно на них посмотрела: вот чокнутые-то!

В сквере сияло солнце. Рядом располагался театр оперы и балета, который теперь на вечном ремонте.

Фредди же смотрела вокруг и не видела той красоты, которую несла ей весна. Ни птицы на деревьях, ни чудом распускающиеся на ветвях почки, ни диковинные цветы её не интересовали. Только человек рядом. Тоже с бесчувственными голубыми глазами.

Подчиняясь древнему инстинкту, Фредди взяла любимую за руку и провела пальчиком по тыльной стороне ладони. Ксю вздрогнула и раскрыла секрет этого прикосновения: так ты говоришь другому человеку, что его хочешь. Ох, Фредди! Чистый инстинкт!

Найти первую девушку Фредди пришлось рано, в семнадцать лет, потому что было необходимо спастись от чувства к Ксю, выкачивающего всю энергию и превращавшегося в голодного зверя. Однажды Фредди пришла в гости к любимой, когда та болела, и настойчиво пыталась её поцеловать, несмотря ни на какие нормы приличия или нежелание Ксю с ней целоваться. За это до сих пор прошу прощения…

Голодный зверь не спал в то памятное лето. Девушка хотела наказать себя за чувство, которое не могла контролировать от слова совсем. И наступил катарсис. Фредди оделась поразвратнее и выскочила на улицу, предварительно разругавшись со всеми оставшимися в живых родственниками. Зимой из жизни ушла мать Фредди, а её одногруппницы, по их же словам, даже не заметили изменений в её состоянии.

Астма мучила мать Фредди с рождения дочери. Что-то здесь было не так – может, не стоило ей рождаться? Как и тому малышу с меняющимися от зелёного до стального цвета глазами, которого врачи хотели отправить в дом ребёнка…

В доме был длиннющий коридор и совмещённый санузел. В комнатке справа теплилась человеческая искра, текла чья-то жизнь. Фредди там зачитывалась первыми книгами, выбранными по желанию: это были любовные романы из дома одноклассницы. Она инстинктивно знала, что ей нельзя читать о любви и

сексе, и прятала книжку в чемодан, где спали любимые кошки.

Кошек в доме было пугающе много. Фредди не имела нормальных друзей и помещала всю свою привязанность в шерстяную братву.

Из «домика» к Фредди ходили подросшие щенки, о которых она заботилась. Сосед-охотник бил их смертным боем, так, что потом приходилось убирать полы. Но никто не мог защитить тех щенят, как и саму Фредди. Однажды сосед вышел из своей квартиры с ружьём наперевес и выговорил всё несчастному ребёнку. Она стояла и смотрела ему вслед, задаваясь вопросами о жизни других людей. Насколько они другие?

Переезд в новый дом был приятным и ответственным опытом. Кто же знал, что придётся пережить Фредди и её отцу в этом новом доме?

Сданы первые экзамены, получена «удовлетворительно» по иностранной литературе – живи да радуйся. Фред

сидела в кухне в новой квартире и пила чай. Наступал вечер, и захотелось спать. Мать Фредди уже выговорила ей за постыдную оценку, и теперь стояла, как обычно, голая и с приступом дикого кашля посреди кухни. На холодном полу лежал старый пёс, лучший друг Фредди по лазанью по крышам и болотам, старый-добрый друг Черныш. Он сложился пополам и тихо лежал под барной стойкой, по всему, испытывая дикую боль и медленно умирая.

- Я сегодня умру, - сказала мать, смотря на своего ребёнка. Этот ребёнок засмеялся ей в лицо и, сказав что-то по типу «Ты шутишь!», пошёл спать.

Проснулась Фредди от того, что в квартире какая-то суета. На часах три ночи, на улице – огромные сугробы. Памятная зима. Самая памятная из всех.

Фредди вскочила на кровати и схватила мать за руки. Та пыталась надеть приготовленную для больницы ночнушку, но у неё ничего не получалось. Фредди, не производя ни звука, держала мать и смотрела ей прямо в глаза. Тело матери

пошло волнами синих узоров, а по телу дочери прокатилась волна самой смерти. Медленно, как во сне, Фредди опустила тело на кровать, ещё теплую ото сна. И начала выть. Много повторов…

Сугробы в человеческий рост не дали скорой приехать вовремя, но они всё равно опоздали. Надо было лечить семью Фредди, а не астму. Отец семейства не раз и не два обращался к жене с вопросом: «Когда ж ты сдохнешь?» Ну что ж, он добился своего и, наверное, понял, что был не прав.

Самое плохое для матери – потерять своего ребёнка, знать, что его жизнь угасла. Так Фредди с отцом позвонили в квартиру бабушки в четыре утра. Отец что-то ей говорил, пытался успокоить – а Фредди просто зашла в квартиру с воем – и продолжала выть, пока бабушка не присоединилась к этому волчьему хору. Звуку настоящей утраты.

На похороны матери приехала первая девушка Фредди: помочь, поддержать и, - чего уж там? – впервые поцеловать. Фредди прижала Люсию к стене и

запустила язык в её рот. Чуть ли не в горло! Поначалу Фредди совсем не умела целоваться, но это, думаю, ей простят! Животное чувство обладания и влечения занимали Фредди куда больше, чем похороны человека, который дал ей жизнь. А, может, оно и к лучшему…

Отец сидел с красными глазами, а Фредди – с непроницаемым лицом. Чуть позже ей выговорили за это – ведь всем надо видеть твоё горе, ага!

Где-то в кудрявых белых волосах Люсии Фредди совсем потерялась и начала вытворять. Перед своей смертью мать Фредди сказала ей, что даёт этим отношениям месяц – так оно и случилось.

Влюблённые всегда сумасшедшие, вот и Фредди не избежала этого… Ночью она вышла на улицу при полной луне и направилась к шоссе. В поисках маньяка. Просто съехавший с катушек ребёнок, доверяющий людям, тянущийся к ним за добрым словом и советом.

Фредди посигналила и села в первую остановившуюся машину. Внутри – один человек, водила лет сорока. Он вывез этого ребёнка за город и изнасиловал, угрожая, как потом выяснилось, игрушечным пистолетиком.

Фредди написала двум подругам по универу и ждала их около головного корпуса. Когда Лена и Оля пришли, полился мощнейший мат – минут десять ругаться и не повториться! А всё из-за какого-то мужика лет сорока, которому посчастливилось ехать мимо в ту ночь. А всё из-за поганой любви, невзаимной и страшной.

Когда Фредди увидела Гиз в очередной раз, она даже не успела понять, что влюбляется. Они купили бутылку водки и шоколадку и поехали домой, на Увек, в райские кущи.

Гиз повела её к другу, там Фредди очень быстро оказалась сверху, не смотря на двух присутствующих рядом парней, оставленных без внимания.

- Зай, подожди, не туда, - Гиз удивила Фредди, отодвигая её руки и улыбаясь немного с надрывом.

Так Фредди узнала историю операций, гормонов и непередаваемой боли ребёнка, который такой один почти во вселенной. Она зависла сверху, не понимая, о чём ей говорят и боясь обидеть…

Чуть позже к ним вышла хозяйка дома, почти бабушка, лет, наверное, пятидесяти-шестидесяти. Она была так рада, что к её мальчикам приехали девочки, что, когда поняла, что на самом деле происходит, малость слетела с катушек.

Виновата в том, конечно, водка, но и Фредди внесла свою лепту: когда ей заявили, что она лесбиянничает, она открыла ответный огонь словами. Женщина схватилась за святую воду и вылила её Фредди в лицо, разоряясь и разъяряясь. Фредди орала что-то про Сатану и тупых людей, не понимающих чужие судьбы и желания. Утром ту бабу

вместе с ложками, которые она пыталась согнуть взглядом, увезли в дурдом.

После святой воды Фредди первая вылетела из дома врага, и они с Гиз направились в квартиру её бабушки. Тела горели от прикосновений и крупного выброса эмоций – а на улице шёл снег. Он красиво падал на лица девушек и на грудь, и Фредди четко запомнила эту ночную (было уже порядка трех часов) прогулку.

Дома у Гиз Фредди легла на постель рядом с ней, но не заснула. Квартира была странная и пугающая, ночью бабушка приходила покопаться в сумке Фредди, незнамо зачем. Так ей стала родной эта чужая семья.

ГЛАВА 2

«СВЕТ ТУХНЕТ – ВЫРУБАЙ!»

Фредди была очень простым человеком. Когда она впервые влюбилась в девчонку, она осознала всё сразу, за одну ночь, с температурой под сорок. Фредди написала длинное письмо возлюбленной по «Вк» и почти сразу призналась родителям.

Все сидели за ужином, но что-то надломилось – и Фредди, почему-то донельзя счастливая, сообщила кушающим родителям: «А я люблю Ксюшу» … Отец выругался, ужин кончился.

Фредди много страдала от непонимания других людей, ей было не понять ненависти, испытываемой к чужому чувству любви, гомофобы буквально её убивали. Однако ей было плевать на чужое мнение – на рабочем столе почти с самого дня признания висела картина Виктории Франсес с целующимися девушками. Смелости этому ребёнку было не занимать.

Гиз тонула в разврате личности. Употреблять наркотические препараты она начала лет в десять, смотря, наверное, на мать…

Жарким огнём горело лето, парни и девушки с Увека прыгали в воду и играли. Самым лёгким наркотиком была манага, кашка из молока и марихуаны. Гиз всегда собирала вокруг себя людей, не в пример одинокой Фредди. Они вместе ремонтировали так любимые ею машины,

обсуждали девчонок и бедокурили, много и охотно.

Гиз, не смотря на все усилия врачей по превращению её в девочку, чувствовала себя мальчиком. Девчонки начали нравиться ей очень рано, и они к ней стремились, не в силах преодолеть её природную харизму. Как говорили её друзья, «она – феномен или аномалия».

С самого рождения ребёнку прописали эстроген, женский гормон, который должен был подавлять тестостерон, в огромном количестве выделяющийся в организме Гиз. Врачи утверждали, что без них Гиз обречена на смерть.

Друзья Гиз воспринимали её как мальчика, давая ей всё новые клички в виде мужских имён. Никто не мог ответить на вопрос, кто перед ним – мальчик или же девочка.

Принятие себя и своей ориентации (если в таком случае возможно само понятие ориентации) происходило постепенно. Мать и отец не сразу

смирились с ситуацией, Гиз отращивала шикарные волосы, которые ко времени повторного знакомства Фредди с Гиз почти полностью поседели. Все девчонки, поражённые этим необыкновенным цветом, спрашивали, что она делает с волосами.

От чего седела Гиз? Это очень интересный вопрос.

В квартире было душно, но не от испарений с улицы. Снова была зима, время дня рождения Фред. Давно прошло. Прошло и день рождения Гиз: накануне этого великого праздника они встретились вновь. На улице снегом сиял январь, Фредди сидела у туалета, не в силах отпустить любимого ни на секунду.

Трехкомнатная в пятиэтажке была заполнена смрадом. Курили всё, что плохо лежит: так называемые «цветы», марихуану, обработанную какой-то химией, и ск. Ск, соль или солятина – очень серьёзный наркотик, мгновенно вызывающий привыкание.

Когда Фред впервые вдохнула воздух с ск и закашлялась, она сказала честно и точно: «Это употреблять нельзя». Значит, мозг ещё немного работал – но что-то пошло не так. Фредди смотрела на любимого и теряла надежду. От зрелища укуренной в усмерть Гиз Фредди хотелось умереть…

Фред боролась. Фред ругалась. Читала нотации и совала Гиз в лицо книгу «Уличный кот по кличке Боб». Ничего не помогало.

Фредди хотелось покончить с собой. Шёл первый день употребления. Девушка курила так много, что даже сама Гиз и её сорванцы-друзья пребывали в шоке. Они скакали по подъезду и вели себя, как и полагается себя вести укуренным ублюдкам.

Фред лежала на кровати в комнате и впервые испытывала отходняки. Мозг рвался в разные стороны, и девушке явно было плохо. Никто не сидел рядом, не держал за руку. Гиз с другом сидели в другой комнате и играли в какую-то компьютерную игру или просто смеялись

над видео с интернета. А мозг выворачивало наизнанку… Считается, что человека нельзя оставлять одного во время отходосов.

Насколько Фредди известно, история употреблений Гиз стартовала в десять лет. Вся семья (ставшая для Фред родной) постоянно что-то жрала, не останавливаясь даже перед тяжёлыми веществами. Однажды Гиз с матерью употребили героин и по ошибке устроили инцест. Фред долго угорала с этой истории…

Фред умоляла Гиз бросить, но об стенку горох, как известно, отскакивает… Два дня девушка-филолог вдыхала ядовитый дым – о чём она будет жалеть всю оставшуюся жизнь…

ГЛАВА 3

«ТЫ ДЛЯ ЭТОГО РОЖДЕНА»

Фред по-доброму относилась ко всем людям, только искренне и всей силой души ненавидела гомофобов. Вредишь мне?

Ненавидишь меня? Что ж, мне остаётся только ненавидеть в ответ!

Обречённость на страдания.

Шёл второй месяц житья вместе. Голова Фред ещё не успела так значительно поседеть, как это будет к концу совместного быта…

Денег не было. Гиз таскалась по друзьям и всё время что-то употребляла. Они вместе заявились в собачий приют и забрали Оскара, собаку, которую Фред пришлось отдать. Псу нужно было специальное питание, Фред же не могла его обеспечивать.

Ряды клеток и полное доказательство любви – сбивающая тебя с ног собака, ласкающаяся, счастливая. За тобой вернулся хозяин! Фред, конечно, расплакалась, а Гиз назвала Оскара «волчара». Дома их ждала кошка Шугари, сразу всецело полюбившая Гиз, но так боящаяся её друзей и их опасненького, неадекватного поведения.

Фред прекрасно помнит фотографию Гиз и Оскара, валяющихся на кровати.

Оскару тогда впервые разрешили забраться туда, где люди спят… и накормили пельменями.

Гиз любила купаться – настоящий Водолей. Однажды Фред и Гиз перемазались в краске и сделали фото: два счастливых перемазанных цветом лица. Жалко, что исчезла та фотография… Хозяйка набрала воду и скользнула в ванную. Гиз последовала за ней. Они сидели в воде долго, волосы Гиз так красиво струились в воде, и Фред наблюдала, запоминая каждое мгновение.

Кульминация «совместного быта» была ещё впереди! Решили они продать телефон, принадлежащий Гиз, но зачем-то для этого поехали на Увек. Ну, конечно, Гиз планировала нажраться чего-нибудь галлюциногенного, а Фред просто поняла, что они приехали в гости к её друзьям.

В машине сидели четверо: Фредди, Гиз и два мальчика. Алексей смотрел на Фред с интересом, моргая совершенно прекрасными зелёными глазами с длинными, как у ребёнка, ресницами. Увек. Чёртова деревня, в которой люди

спокойно обсуждают наркоту, сидя в автобусе!

Фред наблюдала происходящее, не видя в нём ничего плохого. Мальчики сбегали в аптеку и купили Баклофен, парализующее средство. Фред взяла инструкцию и почитала – из чего она по дурости заключила, что максимум можно принять две таблетки.

Полуразвалившийся дом и его хозяин, Макс. Мальчики приняли таблеток по пять, Гиз тоже бахнула пятёрку, Фред – три таблеточки. Кто же знал, что эффект будет не как от водки!

Фред заявила, что в восемь часов они поедут домой…

Через тридцать минут Фред почувствовала непреодолимое желание коснуться Гиз. Она бухнулась ей на колени и начала приставать. Этот эффект был недолог. Мальчики с интересом расспрашивали Фред, удивляясь, что можно любить девчонку.

Минут через десять Фред уже доползла до крыльца, и её начало

полоскать, очень и очень активно. Организм, чистый как белый лист в плане наркотиков, исторгал из себя проглоченный яд, желудок выворачивало наизнанку.

Третий мальчик (назовём его Сэм) подошёл к блюющей Фред и чмокнул её в губы. Гиз сидела в кухне и смеялась, даже не думая посмотреть, что там происходит с Фред. Фред удивилась этому поцелую и, видимо, на этом выключилась.

Здесь стоит упомянуть, что у Фред бывали вещие сны, как, наверное, у большинства читателей. Восстановить произошедшее удалось только с помощью воспоминаний о сне.

Мальчики, по сути, ещё сопляки (по шестнадцать-семнадцать лет) решили использовать ситуацию по максимуму. Два тела выволокли наружу, на снег и холод. Они спорили, как лучше насиловать доставшихся им двух девчонок и поворачивали их лицом друг к другу. В компании присутствовало от семи до двадцати парней.

Очнулась Фред в комнате, когда их обоих перенесли на кровать. Она бросилась застёгивать ширинку на джинсах Гиз. Та была в полной отключке.

Фред запихали в кровать, Гиз же оставили валяться на полу, в луже собственной мочи. Подходили и Макс, и Алексей – они поочерёдно насиловали Фред, а та кричала: «Я люблю ***, я хочу ***, отъебитесь!» Раз за разом! Даже угроза посадить их за изнасилование никого не пугала.

Алексей снова пристал к Фред и сказал гениальную фразу: «Ты для этого рождена!» Фред махнула плохо подчиняющимися руками и ногтями порвала презерватив. Что имел в виду этот человек – Фред так и не понять…

Двигаться Фред почти не могла. Она постоянно думала о Гис, что она лежит на полу и, наверное, мёрзнет… Так хотелось поднять её с холодного пола частного дома – но мышцы отказали, и встать не представлялось возможным.

Фред просила воды, безумно хотелось пить… Мальчики решили добавить градуса и подмешать ей что-то в чаёк – Фред поняла это и сцепила зубы. Долить хоть что-то у них не получилось.

Так наступило утро.

Фред вышла из комнаты попить воды из-под крана и тщательно вымыть кружку (пить что-то другое было опасно). Макс посмотрел ей в лицо и выдал: «Должно быть, это у тебя не в первый раз» … Фред что-то прошипела в ответ и ушла в комнату, к Гиз.

Когда Гиз начали кантовать, она лишь мычала, не приходя в сознание. Кому-то пришлось нести её на руках, а Фред переживала лишь, что не может сама поднять её с пола. На улице снег и холод, мальчики обсуждают, а не положить ли «бездыханное тело» в багажник – Фред лихорадочно спорит. Тело полнится холодом, и Фред, смеясь в истерике, идёт следом за тем, кто тащит Гиз.

Их привезли на квартиру, где прошёл, наверное, день. В прихожей было зеркало: Фред посмотрелась в него и запомнила своё отражение: белое, без кровинки лицо, обрамлённое темными волосами.

Гиз положили спать в этой самой прихожке, прямо на пол. Фред подходила и ложилась на неё, чтобы согреть своим теплом, накрывала шерстяной шалью и совсем перемазалась в её моче. Противно не было ни капли.

Квартира Сэма и его девушки Насти запомнилась Фред как чистилище – где-то между раем (домом) и адом. С ней разговаривали, что-то доказывали, кто-то пришёл и поразился увиденной картине: Фред лежала на Гиз, боясь, что та простынет. «Вот это любовь» - были его слова.

Творился хаос.

Кто-то пришёл, Гиз немного очнулась – и произошло то, что напугало Фред больше, чем что-либо: при предложении выпить ещё таблеток Гиз очнулась и

высказала своё активное согласие. Фред пришла в исступление и надавала Гиз пощёчин.

Пришёл Алексей, нагло и бездумно смотря в разъярённые карие глаза. Фред схватила тупой донельзя ножик и помахала им у его глаз. Она злилась и боялась, но держалась молодцом и думала только о бегстве в свою квартиру. Как бы увезти Гиз – вот о чём она думала в тот момент.

***

Фредди сидела за компьютером, когда Гиз молча, не сказав ни слова, встала перед ней на колени. Так они и провели, казалось, добрые полчаса...

ГЛАВА 4
«ЧТО-ТО ПОЧУВСТВОВАЛ»

Фредерика ходила кругами по комнате и выла. Боль в голове не отпускала – надо было что-то делать… Фред и Гиз собрали вещи для больницы и вызвали скорую. В больнице сине-зелёную Фред не приняли, по сути, оставили умирать. Пришлось вернуться домой.

Гиз стало плохо, Фредди отправила её на Увек; собираясь, Гиз прихватила компьютер. Потом его распродали по частям. Вот такая она, жизнь с наркоманом.

Фредерика осталась одна. Она уже не могла вставать с кровати: курила лёжа – одну за одной, как всегда. Приехала бывшая: забрать из дома животных. Выговорила за связь с конченным человеком и уехала.

Спас Фредерику её отец. Как он позже говорил: «Что-то почувствовал». Вместе они поехали в частную клинику, где добрая женщина-врач сказала бежать делать рентген.

Гайморит, развившийся с ночи изнасилования, чуть не убил Фред. Сразу после рентгена отец отвёз её в больницу, там ей пробили пазухи несмотря на дикую ругань и мат с её стороны. Как резонно объявил врач, жить Фред оставалось дня два.

По губам текла кровь, а на улице шёл красивый снег. Фред вышла на крыльцо и тут же закурила. Оттащить этого человека от сигарет совершенно невозможно! Гноя было много, он пошёл даже из уха, - перфорация перепонки - и Фред оглохла на левое ухо на месяц.

Прошло месяца четыре после расставания.

Позвонил отец. Бабушке стало очень плохо. Когда Фред зашла в её квартиру и увидела лежащую в беспамятстве бабушку, она тут же сказала, что та умрёт. Отец же изголялся, утверждал, что Валентина Анисимовна ещё поживёт…

Ночи и дни протекали в страдании. Бабушка не приходила в себя, называла Фред чужим именем (именем её племянницы, которая украла у неё миллион рублей). К ней, по всей видимости, приходили знакомые и друзья – бабушка постоянно с кем-то оживлённо беседовала. На карнизе она увидела домового.

Жизнь сложилась неправильно, до боли неправильно. Бабушкина гомофобия и гордость Фред мешали им общаться. От этого всего на душе было гадко.

Фред любила бабушку, но теперь хотела, чтобы это поскорее закончилось. Вливать ей в рот воды, сидеть с ней рядом

– и даже не услышать своего имени! Фред умудрилась обидеться на умирающую…

Казалось, был момент осознания: Валентина Анисимовна взяла Фред за руку и молча её держала. Принципиальность Фред в отношении уважения к её чувствам и пассиям сыграла злую шутку…

Она бы даже ела бабушкины до невозможности жирные и несъедобные блины, от которых выворачивало желудок – только бы ещё немножко побыть рядом…

Через недели полторы-две бабушка скончалась. Фред испытала облегчение. Она даже сидела напротив, когда в тело вливали бальзамирующие вещества: бабушке вскрыли полруки для этого. На похороны Фред оделась особенно красиво.

Тяжесть на плечах и в сердце давила. Гиз написала и пригласила Фред в Ртищево, к своим друзьям. Фред не думала – она похватала вещи, включая бабушкину карту с большой суммой денег и кота, и села в машину.

ГЛАВА 5
МАНАГА

Машина, в которой ехали Фред, Гиз и её друзья была на последнем издыхании. Мальчики и Гиз периодически выбегали, чтобы завести её с толкача. Но Фред было плевать. Она сидела на заднем сидении и кайфовала: наконец-то она снова с любимым человеком…

Гиз периодически протягивала руку Фред, чтобы та могла её коснуться. Сплетённые пальцы… Горячий воздух бьёт в стекла и ноздри и сдувает с лица волосы.

Жара, лето, солнце! Они ехали долго, Гиз смеялась, все курили. Ещё до наступления вечера они взяли 15 грамм солятины.

В машине жарко и душно, парень на соседнем сидении забивает в сигарету ск и начинает курить. Курит даже водитель. Фред сидела с открытым окном, пытаясь

преодолеть достаточно сильное желание присоединиться к наркотической оргии. Сколько бы ты ни употребил солятины – а хотеться будет. Слишком заразная фигня!

Фред просто взяла и отдала карточку с деньгами Гиз! Покупалось пиво и ништяки, Фред потягивала пьянящую жидкость. Так хорошо…

Ночью путешественники остановились у беседки. Фред вышла из машины на своей огромной платформе в платье и закружилась в удовольствии. Столько звёзд не увидишь в городе! Ясное небо, ночной воздух, комары… Фред дышала полной грудью.

Скоро они доехали. Их встретил небольшой частный дом и друзья Гиз. Заснули после долгого пути.

В первую ночь на новом месте Фред приснилась её бабушка: она стояла на пороге этого дома и улыбалась. Хороший сон.

В доме жили трое: друг Гиз, её бывшая девушка и их младенец-дочь. Дни

полетели быстро, полные алкоголя и эмоций.

Один день Фред навсегда посчитала самым счастливым днём в своей жизни. Машина перегрелась, люди внутри сходили с ума от жары, не помогали ни холодные напитки, ни что-то погорячее. Они приехали на озеро и тут же нырнули в прохладную воду. Контраст между дымящейся от солнца машиной и водой навсегда потряс Фред. Душа ликовала! Гиз плавала рядом и заигрывала, поддерживая её руками.

В ту ночь Фред предстояло познакомиться с манагой.

Приехали в заброшенное место с кустами величиной выше человеческого роста, собрали урожай. По всему, это был чей-то самосад.

Фред с интересом наблюдала, как готовится так называемая манага – как прохладительный напиток с мятой. Когда всё приготовилось, Фред схватила кружку и попробовала. Тут стоит заметить, что у

манаги специфический вкус, который нравится далеко не всем. Но Фред оценила напиток и выпила целую кружку зелёной гадости. Гиз и её друзья поморщились.

Гиз и Фред сидели в машине, они слушали музыку, ссорились и что-то обсуждали, ожидая прихода от манаги.

Гиз с друзьями собрались поездить на машине, Фред испугалась, что с ними может случиться плохое, и забрала ключи. Девушка сидела на кровати, перебирала ногами и протягивала руку, говорить она не могла; ключи от машины Фред спрятала под жопой. Очень хотелось пить… Ей предлагали алкоголь, но Фред просто хотела воды.

Гиз подошла и обменяла стакан воды на ключи. Все, кроме Фред, выдвинулись на прогулку, девушка побоялась даже выйти за порог дома – она стояла там и беспокоилась: «Куда вы в таком состоянии?»

Итак, уговоры не помогли, и Фред осталась в одиночестве. Манага делала своё дело: девушка упала на кровать и

погрузилась в состояние эйфории. В её голове происходил самый прекрасный секс в её жизни: небо, облака и Гиз.

Буквально через пару дней, когда кончились деньги и семейные украшения Фред, Гиз бросила её одну в квартире. Очень повезло, что у соседей был незапароленный ВайФай – Фред написала бывшей, которая передала информацию её отцу, и девушку забрали. А сердце забыли.

ГЛАВА 6
ПРЕЙСКУРАНТ

Счастье бывает разным, как в той песне... Для Фред Гиз стала тем самым апогеем всего, средоточием любви и заботы.

Общаться с Фред Гиз не хотела. Почти на каждое сообщение ответом было: «Отыбись». А Фред всё надеялась и надеялась...

У многих людей в графе «Прописка» стоит "Дурдом". Поверьте: вы просто мало знаете о своих соседях и знакомых. Так и у Фред.

Далее – написанное ранее о жизни в дурдоме.

Ночь в психушке – понятие растяжимое. Исчадно смеются медсестры, говорит с богом твоя соседка по палате, дико и нечеловечески кричат новоприбывшие.

А ты, наглотавшись наркотических веществ, пытаешься заснуть: видимо, чтобы развидеть и расслышать всё, что творится в богоугодном заведении. Утром

или к вечеру (в день воскресенья) приедут родственники, но ты их не увидишь и поговорить с ними не сможешь, ведь есть окно… Так удобно разговаривать через окно, открывающееся только по просьбе сокамерников или в адскую жару…

Люди здесь молят о сне, ведь во сне отключается сознание. Ты птица, ты ребёнок, ты студент, ты – до попадания в мёртвую зону психиатрической лечебницы, ты – с крыльями за спиной. Все мы мечтаем, все мы завидуем, все мы слюной исходим по воле, к которой после каждого попадания ещё приходится привыкать…

Сегодня я радуюсь, что я не с вами, мои дорогие бывшие сокамерники… Каждый день радости…

Люблю заходить в психушку под конвоем, здороваться со всеми, будто мы соседи по дому, а под окнами цветут розы. Люблю, когда привязывают на максимальное количество вязок, люблю смотреть мультики на стене и орать матом или говорить на несуществующих языках. Люблю свои воспоминания о любви,

которая изменила мою жизнь и навсегда подсадила меня на таблетки. Да, я дура и этим горжусь.

Пройдя через ад, начинаешь ценить удовольствие простых вещей.

Здесь каждое предложение – троеточие, потому что человек привыкает ко всему и ко всем, особенно, когда психозы не оставляют выбора. И ты плачешь. И ты протестуешь, когда тебе приносят судно, и ты кричишь много и попусту, развлекаешь санитарок ночь за ночью. До пролежней! По несколько недель подряд. А ты даже поёшь! Громче, громче – до хрипов.

Вязки обнимают тебя и держат, будто любовник. Ты пытаешься высвободиться, и кому-то из санитарок прилетает удар в живот.

Буйная. За спиной у Фред двенадцать ходок на Пристанскую – все с огоньком!

Первое попадание. Второе, третье… Кататония, расщепление личности, чистая шиза. Врачи советуют отцу не везти ребёнка лечиться в Питер: всё равно у неё

деградация личности, и ничего уже не поможет. Ненависть и презрение к врачам, которые срать хотели на своих пациентов.

Ты постоянно хочешь курить. Таскаешь огромные кастрюли с баландой. Отмываешь загаженные дерьмом стены туалета. Окунаешься в состояние безнадёги – но начинаешь общаться с людьми. Как призраки, они шляются от палаты до туалета и обратно.

Ты заводишь друзей. Проститутки, героинщицы, просто случайно попавшие туда дети. Младшей было тринадцать лет. Никому не нужные люди. Цени свободу, цени!

Ты можешь писать и рисовать: в виде исключения ты получаешь ручку и бумагу ближе к ночи. Никому их не даёшь и прячешь, когда приспичивает навестить туалет.

Улицы ты не видишь. Всегда в четырёх стенах. Ни дуновения. Гулять выпускают в милипиздрический сквер – и это пару раз за год.

Ты привязываешься к людям. День за днём вы проводите вместе за разговорами о жестокой судьбе – личность раскрывается полностью. Чужая жизнь – как на ладони. Ты слушаешь чужие истории и наполняешься ими до краёв. Больше поводов писать потом.

Дурдом стал результатом тех двух дней, которые Фред провела на солятине. И самое страшное: она *ни о чём* не жалеет…

ГЛАВА 7
«ЧТО-КОГО ПОЗВАТЬ?»

Гиз использовала Фред по-полной. Но были в их совместной жизни и лучезарные моменты.

Гиз спряталась в кровати – на улице ночь. Фред тоже легла и начала целовать её тело. Каждый миллиметр её кожи – как божественное благословение! Фред опускалась всё ниже и ниже, приходя в дикий восторг от запаха пота Гиз. В нём – огромная смесь гормонов и наркотиков. Девушка вдыхала и всё больше приходила в экстаз.

Фред в те времена ещё была дикой и необузданной, могла рычать и мурлыкать в объятиях любимого. Вот и сейчас она пофыркивала, снимая с Гиз последняя одежду.

Внезапно пальцы Гиз оказались внутри – и Фред замерла, дожидаясь движений. В секунду её перевернули на спину и жёстко отымели. Фред дышала томно и то закрывала, то открывала глаза.

Эти глаза! Фред снова оказалась сверху и повернула Гиз раком. В случае с Гиз женские гениталии не чувствительны –

надо попробовать другое… Фред провела рукой по спине Гиз, и та послушно выгнулась. Осторожно, будто с яйцами Фаберже, Фред провела языком, а потом вошла, аккуратно, но смело. Понравится ли ей?

На полке стояла белая машинка – воспоминание. Гиз купила её и опустила колёса. После первого расставания Фред вздохнула и бросила машинку в мусор. Где ей и полагается быть!

В общей сложности в дурдоме Фред провела шесть долгих лет! То заходила, то выходила. Каждый раз – минимум четыре месяца, максимум – девять.

Фред никогда не забывала Гиз. В первое попадание она звала её, лёжа на вязках.

Филологу нравилась манера общения Гиз – всегда весело и как-то свободно. С ней Фред ощущала движение, динамику мира вокруг:

- Ты меня хочешь?

- Что-кого позвать?

- Кто виноват?

- Что-кого позвать?

Самая запомнившаяся фраза…

***

Прошло семь лет. Гиз позвонила и пригласила на Увек купаться ночью без одежды. Фред резко бросилась в душ. Пока она ехала в такси, в голове роились мысли. Для чего он зовёт? Что мы будем делать на Увеке ночью? Как я скучаю…

С трудом найдя адрес, таксист высадил горе-влюблённую в темноту. Рядом с машиной стояли Гиз и её друг Виктор. Фред испытывала боль и страх: даже если позвал – утром *уже* уезжать!

Гиз взяла Фред за руку – затрепетало сердце. Пошли к воде. В ней ярким диском купалась луна. Все сбросили одежду, Гиз своими руками стянула с Фред трусики и расстегнула лифчик. Вода была приятно-тёплой, Фред окунулась с головой.

Снимая трусики, Гиз дернулась и сильно укусила Фред – потом на этом месте

расцвёл мощнейший синяк. Она попробовала запустить руки внутрь, но Фред сопротивлялась как могла.

Изрядно напившись, они пошли в дом к её девушке, которая была в отъезде. Там Гиз самым наглым образом завалила Фред на кровать – пара секунд пьяного куннилингуса с зубами и пальцы…

Фред будто неживая лежала и послушно стонала, припоминая, что Гиз всегда ей выговаривала за тихий секс. Внутри поднималась истерика.

Гиз привстала на краю кровати и упала, отключившись. Фред долго плакала, сжав зубы и пытаясь не закричать от переполнявших чувств, никого не разбудить. Пусть поспит солнце…

Когда Гиз приехала с другом через год, Фред, вечно состоящая с кем-то в отношениях, была одна. Она как раз решила, что отношения лишь мешают и лучше жить в одиночестве… И снова сдалась.

Стоящая у КБ машина. Гиз жалуется на старую травму позвоночника и

признаёт, что болит нещадно. Много раз Гиз должна была умереть, даже в Ртищево, с Фред вместе. Один совсем маленький мальчик спас им жизнь, проехав метров десять вдоль частных домов: выпала шаровая.

Фред курит и слушает. Вот брошена на асфальт сигарета, и Фред аккуратно обнимает Гиз, как кого-то хрупкого и очень родного. Втроём они идут в квартиру Фред, пьют и много смеются. Есть что вспомнить!

На фоне играет какая-то эротика: Виктор решил посмотреть на ночь. Гиз смотрит фильм и смеётся, Фред просто лежит у неё на груди и балдеет, как обычно, не замечая ничего вокруг.

Утром Виктор уехал, а Фред и Гиз остались одни. Гиз ласкалась, проводила пальцами по рукам Фред, отвечала на поцелуи. Как сладки её губы! Как нежны!

Разгар лета – решили сходить на пляж. Фред бегала купаться, Гиз лежала на солнце, даже заснула. Фред, всецело захваченная разговорами и любимым,

даже не подумала перейти в тень деревьев. В итоге обгорели оба как дураки.

Смотреть прямо в глаза любимого – это привилегия, это – счастье! Фред и Гиз снова помечтали о совместной жизни, а потом Гиз уехала и объявила, что у неё уже есть офигенная девушка.

Фред чуть не сошла с ума от таких новостей! Опять!

ГЛАВА 8

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Гиз до сих пор снится Фред. То светится как ангел в какой-то игре, а Фред, увидя её, падает на коленки, то Фред снова забирают в дурдом, и она лихорадочно тыкает в неработающий телефон, пытаясь попрощаться с любимым.

Мы стали взрослыми, а безумие любви Фред осталось. Восемь лет жизни – и никакого «Отъебись от меня!» в ответ!

Время тянется, происходят события приятные и не очень. Вот Фред плачет в гостях у подруги Ольги: та рассказывает о прощании с матерью, которая умерла от рака:

- Прощай, Олечка.

Фред же не успела сказать своим уходящим в небытие родственникам ни слова. Или не смогла. Но они ей снятся, даже дед, умерший, когда Фред было десять. Фред с матерью поехали на море – а вернулись к раскрытому гробу, на похороны Владимира Григорьевича.

Дед сидел с гитарой и напевал песни из сборника – так Фред с детства приучили к вину (простите, к письму). Он

рассказывал сказки о Жёлтике и Барбосе, жившим когда-то у него лошади и собаке. И всё было хорошо… Каждому хочется вернуться в детство – поэтому мои сны именно о нём. Даже друг Черныш благополучно бегает там, а кошка Киара снова сигает в окно, чтобы найти своим котятам самого лучшего отца. Я до сих пор периодически летаю во сне, что, как говорят, свойственно в основном детям. Я вижу во сне демонов и свободно с ними общаюсь. Но мой демон снова меня победил…

Плачет Фредерика. Но слёз нет – и плачет её душа, потрёпанная, но живая.

Все друзья Фред искренне ненавидят Гиз, ведь та испортила ей жизнь по максимуму. А автор этого опуса желает лишь одного: поставить жирную точку. Навсегда отпустить.

Посвящается человеку, который научил меня писать и читать, Багрову Владимиру Григорьевичу.

May we meet again